

Чернявская Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19
tcherniavskaia@rambler.ru

Социальное значение в зеркале политической корректности*

Для цитирования: Чернявская В. Е. Социальное значение в зеркале политической корректности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 383–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>

Статья обращается к двум центральным понятиям: социальное значение и политическая корректность. *Социальное значение* используется вместе с другим понятием — *социальный индекс*. Социальное значение возникает у языковой единицы (высказывания) на основе связи с ситуацией, социальным поводом использования и интерпретируется как связанное с определенным контекстом. В таком понимании социального значения анализ методологически связан с разработками в социолингвистике третьей волны, метапрагматике, дискурсивном анализе, в концепциях языковой идеологии. Показано, что социальное значение тесно связано с рефлексией человека относительно эффектов использования языка в дискурсе. Методологическую основу анализа составляют разработки М. А. К. Хэллидей, Х. Куссе, И. Варнке, М. Сильверстина, К. Холла и др., развивающие идеи Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова, Г. Кресса и Б. Ходжа. Политическая корректность анализируется как социальная практика, в которой создается идеология языка и поддерживается идеологически мотивированная интерпретация смыслов. Анализ политкорректности основан на современной (2017–2020 гг.) общественной практике в США, предшествующем контексте и опыте осмысления. Анализ показал, что политическая корректность может трансформироваться в практику дискурсивного давления и запретов на выражение смыслов, а доминирующее политкорректное прочтение высказываний может принимать форму борьбы с имплицитными смыслами, потенциально возможными пресуппозициями высказывания. Анализ позволяет зафиксировать такие ситуации, в которых политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социально уязвимых групп, трансформируется в социальное давление и борьбу со скрытыми смыслами. Опыт изучения политической корректности показывает, что эта практика социально значима, когда дает возможность наблюдать и выражать реакцию на противовесные явления.

Ключевые слова: социальное значение, контекстуализация, языковая идеология, политическая корректность, политизация.

* Исследование выполнено на средства гранта РФФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках».

Введение

В предлагаемом анализе рассматривается порождение социального значения в социальной практике, которая получила название политическая корректность. В современных исследованиях понятие *социальное значение* используется вместе с другим — *социальный индекс*. Социальное значение возникает у языковой единицы (высказывания) на основе связи с ситуацией, социальным поводом использования и интерпретируется как связанное с определенным контекстом. Связь социального значения слова и типичного, ожидаемого контекста его употребления создает рамку восприятия и устойчивые фреймы интерпретации. В этом случае социальное значение связано с языковой идеологией. Как особая социальная практика, в которой создается языковая идеология и поддерживается идеологически мотивированное использование языка, анализируется политическая корректность. Внимание к тому, как через использование языка в разных социальных практиках становятся видимыми социальные смыслы, как они распознаются в процессе коммуникации в обществе и как закрепляются, представляет существенный исследовательский интерес.

Методологическую основу анализа создают разработки 1990–2020 гг. в прагматически ориентированной лингвистике, лингвистике дискурса (М. А. К. Хэллiday, Х. Куссе, И. Варнке), социолингвистике (М. Сильверстин, А. Ага, П. Вершурен, П. Экерт, М. Бухольц, Э. Окс, К. Холл), продолжающие в новой перспективе основные идеи семиотически ориентированной теории взаимодействия в социуме Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова, социальной семиотики Г. Кресса и Б. Ходжа.

Материал исследования представляет актуальные (2017–2020 гг.) коммуникативные ситуации в общественной практике США, показывающие конкретные проявления политической корректности и коллективной практики интерпретации высказываний и порождения социальных значений в контексте политической корректности.

Теоретические подходы к изучению социального значения

В современном исследовательском контексте понятие *социальное значение* (*social meaning*) используется вместе с другим — *социальный индекс* (*social index*) — и отражает американскую и западноевропейскую научную традицию, представленную в англоязычных публикациях. Оба термина стали активно использоваться исследователями и выдвинулись в центр внимания с 1990-х гг. в связи с разработками в американских и европейских научных школах социолингвистики третьей волны, получившей такое определение вслед за дифференциацией П. Экерт. Внимание к социальному значению в социолингвистике продолжило в новой перспективе основные идеи семиотически ориентированной теории взаимодействия в социуме Л. С. Выготского, М. М. Бахтина (В. Н. Волошинова). Это стало развитием социолингвистики второй волны, перешедшей в третью волну как исследование социальной репрезентации через лингвистическую вариативность [Gumperz 1996; Eckert 2018; Eckert, Labov 2017; Irvin, Gal 2000; Silverstein 2003].

Интерес к социальному значению связан не только с социолингвистическими разработками. Особый ракурс в его изучении был открыт в 1980–1990-е гг. в семан-

тике и прагматике и в прагматически ориентированных разработках в стилистике. По Д. Личу, социальное значение (social meaning) — одно из значений языковой единицы, оно сопряжено с иллокутивной силой высказывания (the illocutionary force of an utterance), которая может быть соответствующим образом интерпретирована адресатом [Leech 1981: 14, 15].

Разграничение семантики и прагматики, как известно, шло через противопоставление языкового (словарного) значения и значения энциклопедического, которые неразрывно связаны, но по-разному репрезентируют то мыслительное содержание, которое возникает в результате взаимодействия человека с окружающим миром. Это стало ключевым тезисом лингвистики и даже ее общим положением со времен прагматического поворота. Если лексическое значение является признанным объектом семантики, то социальное значение выводит исследователя в сферу экстралингвистических знаний и тем самым в область прагматики и далее метапрагматики, которая изучает эффекты использования языка в дискурсе, модификацию языковых значений под влиянием контекстуальных факторов, см.: [Silverstein 2003; Eckert 2018; Chernyavskaya 2020; Чернявская 2020].

Исследование социального значения сегодня также является отчетливым развитием тезиса о нетождественности семантики и прагматики, наблюдаемой при изучении контекстуализации языковых значений. В свое время это отчетливо выразил А. А. Потебня: «Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов до известного предела... Под значением слова вообщеразумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова» [Потебня 1958: 19]. И вот как это далее представлено В. Г. Гаком: «Как бы ни старались некоторые исследователи провести водораздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке» [Гак 1971: 524]. Следует согласиться с тем, как З. А. Харитончик формулирует сложность дифференциации денотативного значения и коммуникативного дополнения, возникающего в контексте употребления: «В каких бы терминах (значение и употребление, competence и performance, конвенциональные и неконвенциональные значения, истинные значения и значения, к которым не приложимы условия истинности, прямые, контекстуально независимые и контекстуально зависимые значения и т. п.) эта дифференциация ни проводилась, она основана на отсутствии тождества прежде всего референтным, контекстуально независимым значением знака и его значением, приобретаемым в контексте и связанным со множеством ассоциаций и представлений, имеющих у носителей языка, об обозначаемых сущностях» [Харитончик 2014: 18–19].

Новый импульс изучению прагматических (социальных) значений придали социолингвистика третьей волны и метапрагматика, связавшие социальное значение с понятием социальной индексальности. В такой проекции социальное значение — это особый тип значения, оно проявляется только в дискурсе в сочетании с другими его составляющими. Знак может выражать социальные смыслы, то есть различные социальные отношения и обусловленные ими идентичности и социальные роли. При этом говорить о социальном значении как о «коннотации» можно

только условно — это такое прагматическое значение, которое возникает в связи с ситуацией использования, внутри нее, и интерпретируется как связанное с определенным контекстом. Четкое разграничение по линии «денотативное ядро значения / дополнительные значения» не всегда возможно. Социальное значение нельзя отождествить с коннотацией в традиционном семантическом понимании.

О социальном значении как индексе следует говорить, когда языковое выражение несет информацию о социальных характеристиках субъекта речи, ориентированного на адресата. Такое понимание социального значения как социального индекса связало социолингвистическое изучение языковой вариативности с понятием языковой идеологии (*language ideology*), которое будет представлено далее.

Итак, представление о социальном значении можно получить с разных точек доступа, в перспективе разных исследовательских направлений: в проекции лингвистической прагматики, которая изучает смысловые приращения языковой единицы, возникающие в социальных контекстах ее употребления, и в проекции социолингвистики и дискурсивного анализа, показавших социальное значение как индекс, отсылающий к определенному контексту и социальной практике употребления слова (высказывания). Социальная индексальность может пониматься как лингвистическая вариативность в традиционном социолингвистическом изучении использования языка в связи с этнической, возрастной, гендерной, социально-статусной спецификой. Одновременно понятие социального значения как индекса имеет объяснительный потенциал в описании зависимости смыслообразования от контекста. Социальная индексальность представляет существенный исследовательский интерес, поскольку показывает, как в рамках разных социальных практик становятся видимыми социальные смыслы, как они распознаются и как закрепляются в процессе коммуникации в обществе. Именно этот ракурс является ключевым в предлагаемом анализе. Понятие социального значения требует обсуждения в связи с рядом других.

Мы исходим из того, что создаются социально обусловленные смыслы, то есть такие коммуникативные приращения в значении, которые отражают общественную идеологию. В таком ракурсе требуется знание о социальных конвенциях, ограничивающих и даже запрещающих употребление ряда слов. Такие запреты в современном обществе относятся к номинациям национальной, расовой принадлежности, социальному гендеру, физическим возможностям человека. Это сфера эвфемизации и того, что называется политическая корректность. Эвфемизм сокращает отрицательно маркированную оценку денотата и заменяет ее на нейтральную, вуалирует прямые, резкие оценки. Неупотребление одних выражений и замена их на другие поощряются в социуме, который создает рамки, допускающие одни выражения и не допускающие другие. Эвфемистические замены все шире применяются к разного рода социальным явлениям, которые становятся для общества чувствительными и вызывают эмоциональную реакцию. Вместо *война* говорится *защитная операция*, вместо *стагнация экономики* — *нулевой рост*. Эвфемия прослеживается не только в лексике, но и в грамматических способах выражения. Использование, например, прохибитивов также переходит в область социальных конвенций: выражения, типа *Не курить / Не мусорить* заменяются на *Спасибо, что вы не курите / Спасибо, что не оставляете использованные предметы*. Свой вклад в расширение эвфемизмов внес период пандемии коронавируса в 2020 г.: вместо *Без*

маски не входить социально приемлемым стало *Добро пожаловать в маске и перчатках*.

Растяжка различных пониманий того, что общество допускает или исключает через целенаправленный выбор слова и переименование понятий, гибко устанавливается. Социальные предписания могут становиться жесткими запретами на использование определенных выражений, чтобы они не задевали политических, культурных интересов, не создавали социального конфликта. Следование таким социальным конвенциям неизбежно порождает социальные значения и превращает каждое высказывание в выражение определенной позиции и идеологии языка.

Процессы, происходящие в социальных практиках, ускоряют или замедляют то, что отражается в языке. Резкие перемены в общественных настроениях, всплески политической активности создают сдвиги и в семиотической активности, когда социум становится максимально чувствительным и нетерпимым к одним значениям и формирует семантические привилегии для других, выдвигая вперед политическую корректность. Именно в таком ракурсе становится отчетливым разделение между личностными и социальными смыслами.

В реальной практике могут создаваться и действительно создаются фреймы восприятия и оценки ситуации, направляющие понимание в определенное русло. Такие явления позволяют наблюдать и фиксировать в анализе ту прагматическую экспансию, которая способна захватывать и подавлять семантику. Это общее положение со времен прагматического поворота получило дополнительную заостренность в концепции языковой идеологии. Вследствие индексального соединения языкового знака и «его» контекста формируется определенная «рамка восприятия». Когда возникают устойчивые фреймы интерпретации, которые не подвергаются сомнению, можно говорить о **языковой идеологии** (language ideology). В текущей, рутинной коммуникации складываются устойчивые, повторяющиеся схемы смысловыражения, которые работают как общеизвестное знание и создают «само собой разумеющиеся» интерпретации. Они не воспринимаются критично, но действуют как шаблон для восприятия и понимания по принципу «так должно быть». Языковая идеология характеризует встроенное в ситуацию, предубежденное, заинтересованное использование концепций и языка, ср.: «Language ideology refers to the situated, partial, and interested character of conceptions and uses of language» [Errington 2001: 110]. Для понятия «языковая идеология» характерна неотделимость конкретного лингвистического выражения от рефлексии над эффектами использования языка в дискурсе.

Языковая идеология стала, как известно, одной из трендовых тем в дискуссиях о языке в обществе и соотношении между функционированием языка и властными механизмами и контролем в обществе в антропологической лингвистике, дискурсивном анализе и социолингвистике третьей волны. Об основных результатах дискуссий см.: [Blommaert 1999; Irvin, Gal 2000; Kronskrity 2004; Schieffelin et al. 1998; Куссе, Чернявская 2019; Гаспарян, Чернявская 2014]. Языковая идеология обсуждается вместе с другими понятиями, которые используются для выражения предданности нашего понимания и использования языка, а именно габитус и дискурс. Концепции языковой идеологии имеют выраженную ориентацию на практику использования языка и контекстно ориентированы. Выражением идеологии языка считается лингвистическая вариативность, то есть эффекты от использования язы-

ка в связи с возрастной, гендерной, социально-статусной спецификой. Лингвистические формы рассматриваются как отражение и выражение широкого культурно-специфического представления о человеке и его деятельности. Изучение языковой идеологии участника коммуникации опирается на лингвистические явления как очевидное свидетельство эстетических, эмоциональных и моральных различий среди социальных групп и поведения их представителей.

Обсуждение этого круга понятий соприкасается с другим общественным явлением, которое получило название политической корректности.

Политическая корректность как объект анализа

Политическая корректность — это особая социальная практика, в результате которой создается идеология языка и поддерживается идеологически мотивированное использование языка. Политическая корректность — это практика использования языка, исключая употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для человека по признаку расы, пола, семейного статуса, возраста, вероисповедания, сексуальной принадлежности. Это набор метадискурсивных практик, нацеленных на выявление и погашение дискриминации и негативного отношения к другому.

Дискуссии вокруг политкорректности и собственно практика политкорректности (Political Correctness, PC) имеют корни в англо-американской традиции, а именно в США, Канаде, Австралии, Великобритании. По отношению к этим обществам применяется понятие политкорректная культура (PC Cultures) [Ely et al. 2006]. Политкорректность сложилась в 1980–1990-е гг. как политическое движение за права женщин (движение феминизма) и социальных групп со статусом меньшинств — национальных, сексуальных, а также под влиянием трансформаций в академической университетской среде, пересматривающей свои речевые коды во взаимодействии между отдельными людьми и социальными группами.

Движение политкорректности выдвинуло тезис о существовании в языке «слов-угнетателей», понижающих социальную самооценку некоторых групп в обществе. Политкорректность выразилась среди прочего в движении альтернативной номинации, что обусловило ряд замен в английском языке. В первую очередь это гендерно нейтральные обозначения, к которым привело переосмысление словообразовательного суффикса *-man*. Этот суффикс рассматривался как показатель деятеля в номинациях профессий, рода занятий в словах типа *postman* ('почтальон'), *fireman* ('пожарный'). Идеология политкорректности выдвинула и «оживила» значение суффикса как показателя грамматического рода. Возникли новые номинации *chair*, *chair people* вместо *chairman*, *salesperson* вместо *salesman*. А необходимость точно указать гендер лица, осуществляющего ту или иную деятельность, привела к возникновению образований типа *male nurse* ('сиделка-мужчина'). Политкорректность выражается в обязательной номинации субъекта действия *he or she* (*he or she must complete an application*), в формах обращения, не маркирующих семейный статус, — *Mrs.* вместо *Ms.* и в номинации статуса *Dr.*, *Professor*. Происходит также замена тех наименований, которые оцениваются как проявления социального элитизма — осознания превосходства от принадлежности к определенной социальной группе: *developmentally challenged* ('труднообучаемый, имеющий трудно-

сти в развитии') вместо *умственно отсталый*; *alternatively schooled* ('альтернативно обученный') вместо *uneducated* ('безграмотный, необразованный') используется *illiterate*. В переоценке интеллектуальных, эстетических критериев оценки другого человека типичен компонент *challenged: mentally challenged (retarded)* для замены *умственно отсталый*, *vertically challenged (short)* для *низкорослый*¹.

Одним из проявлений языковых новаций стало создание трансформированных художественных текстов. Появились политкорректные версии прецедентных текстов — всемирно известных волшебных сказок, притч, политкорректные переказы ветхозаветных сюжетов². Эти тексты заявляли своей прагматической целью сатиру на сексистские, расистские, националистические, этноцентрические предрассудки и освобождение мультикультурного общества от этих предрассудков.

Политическая корректность не осталась уникальным явлением в американском пространстве. Аналогичное явление (*Politische Korrektheit*; *politische Korrekturen*) сложилось в Германии [Diederichsen 1996; Wimmer 1998]. Это также проявилось как тенденция к замене нейтральных обращений, не маркирующих семейный статус (так, *Frau (Mrs.)* вытеснило *Fraulein (Ms.)*), а также в использовании в академической среде гендерно нейтральных форм *Studentinnen und Studenten* и на письме формы *StudentInnen*. Наряду с этим круг тем, объединенных в рамки политкорректности, после объединения Германии в 1990 г. был помещен в политический контекст и дал импульс к новому витку обсуждений и исследований языка западных и восточных немцев в связи с немецкой национальной идентичностью. Тенденция политкорректности проявила себя в том, что касается чувствительной для немецкого общества темы национал-социалистического прошлого Германии во Вторую мировую войну [Schiffrin 2001].

Политкорректность стала громкой темой и существует как крайне неоднозначное явление. Она способна действовать как рамка дискурса, захватывающая все больший круг тем. При этом захват и политизация определенных тем означают исключение возможностей для альтернативного языкового поведения.

Так, одним из факторов в леворадикальном движении политкорректности стал феминизм — социальное и политическое движение за расширение экономических и личных прав женщины в обществе, против дискриминации по гендерному признаку. Отношение к тому, что определяется как суть сексизма и цели движения феминизма, изменилось на протяжении последних 10–15 лет. Динамика общественных настроений показала, что открытое политическое движение за равные права женщин, право на работу, равную с мужчинами оплату труда, телесную неприкосновенность трансформировалось и вытеснилось на уровень пресуппозиций, то есть внимания к тому, какие смыслы могут быть прочитаны как дискриминирующие некоторые социальные группы, см., напр.: [Mills 2003: 90].

Политическая корректность в определенный момент начала действовать как контроль над скрытыми смыслами — пресуппозициями и потенциально воз-

¹ Показательной иллюстрацией леворадикального критического осмысления языка и идеологических неологизмов является словарь политкорректных номинаций: Beard H., Cerf C. *The Official Politically Correct Dictionary and Handbook*. New York, 1995.

² Garner J. F. *Politically Correct Bedtime Stories*. New York; Oxford: Macmillan, 1994; Walker R. M. *Politically Correct Parables*. Andrewa, McMeel, 1996; Walker R. M. *Politically Correct Old Testament Stories*. Andrewa, McMeel, 1997.

можными импликатурами дискурса. Политкорректность захватила тему идеологической борьбы с presupпозициями, с формами иронии в адрес других. В таком развороте она может становиться несбалансированной реакцией, предписаниями, которые в публичной медийной сфере доводятся до абсурда [Mills 2003: 91]. В публикациях 1990–2000-х гг. о политкорректности говорят как о нетерпимости, «гегемонии мышления», результатом которой стало поколение граждан, парализованное страхом задеть хрупкое эго другого, ср.: [Suhr, Johnson 2003: 5; Wilson 1995]. Использование политкорректного языка в продвижении товаров и услуг отмечается как фактор, способствующий маркетинговым ходам и карьерным успехам. Но политкорректность в «избыточных дозах» приводит к разрушительным результатам [Marques 2009]. Политическая корректность — «обоюдоострый меч» («PC is a double-edge sword») [Ely et al. 2006: 78]. Многие проявления политкорректности не просто упрощают и тривиализируют сложные социальные явления, но могут быть разрушительны [Lakoff 2000].

В 1980–2000-е гг. мы могли наблюдать примеры того, как целенаправленно вытеснялись языковые единицы, выражающие неприемлемые в обществе дискриминационные коннотации. Так, вместо *негр* социально приемлемо *афроамериканец*, *афромосквич*, вместо *араб* — *выходец из стран Магриба* и т. д. Соответственно, признается правильной замена языковых единиц, в том числе в литературных произведениях, например, во всемирно известных книгах М. Твена на английском языке *negro* заменяется на *black*.

Социальные значения и связанные с ними имплицитные смыслы в перспективе политкорректности интересны в той мере, в какой политкорректность позволяет проследить интенциональность и эксплицитность коннотаций. Исследователи подчеркивают, что в общественной практике одновременно сосуществуют конфликтующие дискурсы, например сексизма и антисексизма. Именно их сосуществование, сопротивление дискурсов друг другу позволяет наблюдать механизмы смыслообразования в действии. Формулируя отношение к тому, что является, например, сексистским, расистским высказыванием, мы намечаем определения и параметры, создающие рамку правильного, корректного отношения, того, что приемлемо в обществе и для общества. По замечанию Н. Ферклафа, в дискуссиях о политкорректности значимо именно наблюдаемое столкновение противопоставляемых точек зрения и идеологий, в котором сходятся те, которые называют себя политически корректными, и те, которые называют других политически корректными [Fairclough 2003: 17].

Политическая корректность в ее современном виде не представляет уникального явления, но отражает повторяющиеся процессы и проявления языковой идеологии. В работах [Гаспарян, Чернявская 2014; Molodychenko 2019; Nefedov, Chernyavskaya 2020; Chernyavskaya 2020] анализировалось, как идеологический контекст становился основой прочтения всякого, в том числе утилитарного, высказывания. Так, в СССР с 1922 г. существовало Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), осуществлявшее контроль за художественными произведениями, заподозренными в неояльном к советским государственным структурам подтексте. Идеологически ориентированная критика вычитывала рутинные языковые единицы и объясняла их употребление как политически мотивированное иносказание. Сказки для детей, в том числе стихи Корнея Чуковского,

самого издаваемого советского автора, популярные советские песни становилась объектом строгой цензуры и могли пониматься как фрондерское высказывание против советской действительности.

Вообще, презумпция иносказания и имплицитных смыслов лежит в основе того, что может быть названо конструированием фантомных дискурсов. Это показывает следующий фрагмент из воспоминаний театральных деятелей о периоде 1990-х гг.:

На излете СССР бывали случаи абсолютно комические. В 1991 году придрались к моему спектаклю «Вишневый сад» с политической точки зрения (в Баку — это важно). Я никогда специально этими вещами не занимался, от фиг в кармане меня тошнило, я любил в театре страсти, любовь, игру. И вдруг мне говорят (это был, правда, уже не запрет, а совет, в дружеской беседе — это уже времена перестройки): «Уберите из спектакля российский флаг». Какой флаг? О чем речь? А уже случился Карабах, люди из республики уезжали, а я еще взял актера на роль Лопахина, который говорил с сильным акцентом. На сцене стоял огромный сундук, на котором героини долго втроем сидели в платьях чистых цветов. И случайно они выстроились в порядке цветов российского флага. Абсолютно случайно! Я актрисе, игравшей Раневскую, на репетиции сказал: «Это сцена твоей несбывшейся мечты, надень любое платье, какое хочешь». Так в сцене появилось красное платье... Можно эти истории рассказывать бесконечно, как один нескончаемый анекдот [Казьмина, Никольский 2012: 75].

Это пример того, что У.Эко называет «гиперинтерпретация». Одна экстралингвистическая деталь (сочетание цветов, напомнившее цвета российского флага) работала как контекстуальная подсказка в неадекватном направлении.

Представление о том, что существует мнение, нелояльное официальной, «правильной», идеологии, может формировать фантомные дискурсы. Поиск иносказания в том, что выражено, заставляет вычитывать скрытые смыслы везде. При определенных обстоятельствах борьба между содержанием высказывания и контекстом может быть ослаблена в пользу «легкого» прочтения. Это наиболее типично в том случае, если интерпретация направляется устойчиво сложившимся фреймом понимания и исключается из дальнейшего обсуждения и осмысления. Интерпретация сводится напрямую к очевидному решению по течению довлеющего мнения. Это утверждение проясняет такой комментарий:

Доминирующая интерпретация может быть задана не только политической или религиозной властью, но и интеллектуальной оппозицией: мятежный монах Лютер начал борьбу за «правильную» интерпретацию Библии и перевел ее на немецкий язык, в николаевской России властителем интерпретации оказался критик Белинский. Тезис о бесконечности и незамкнутости интерпретаций остается в силе, однако он дополняется положением об относительной социальной детерминированности интерпретации. Последняя понимается не как любое возможное преобразование текста в другой текст о данном тексте, а только такое, которое признается «хорошей» («правильной», «истинной» и т. п. интерпретацией) [Золян 2013: 13].

Анализ и обсуждение

Рассмотрим ряд ситуаций из современной практики интерпретации высказываний в зеркале политической корректности.

В 2017 г. немецкий косметический бренд Nivea опубликовал на официальной странице компании в «Фейсбуке» рекламу дезодоранта, не оставляющего следы на одежде, под лозунгом *White is purity / Белое — значит чистое* (см. рис.). Рекламная акция была ориентирована на потребителей в странах Ближнего Востока. Рекламный лозунг, сопровождавший визуальную часть текста, гласил: *Keep it clean, keep it bright. Don't let anything ruin it. — Оставайся чистым. Оставайся белоснежным. Не дай ничему испортить это.*

Рекламный текст вызвал многочисленные протесты в социальных сетях и был расценен как расистский. Компания Nivea вынуждена была удалить пост и в дальнейшем оправдываться и извиняться³. Компания признала, что вербальный компонент рекламы двусмысленный, порождает дискриминационные выводы о превосходстве белой расы.

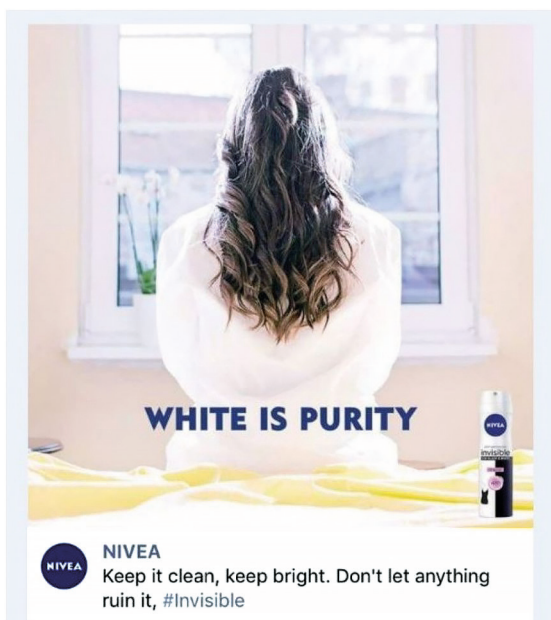

Рис. Пример рекламы компании Nivea.

Источник: <https://www.bbc.com/news/world-europe-39489967>
(дата обращения: 10.01.2020)

Основной вопрос, на который здесь проецируется анализ: почему восприятие рекламного текста привело к выводу о превосходстве белой расы? Почему тексты были поставлены в связь с дискурсом расизма, почему были выключены иные предсказуемые в рекламе эффекты, например языковая игра?

Начнем с жанровой характеристики текста: это рекламное объявление. Реклама — особый вид риторической коммуникативно-речевой практики. Рекламные тексты описываются как персуазивные, репрезентирующие персуазивную коммуникацию, в основе которой лежит как рациональное, так и эмоционально-чув-

³ Nivea removes 'white is purity' deodorant advert branded 'racist'. <https://www.bbc.com/news/world-europe-39489967> (дата обращения: 10.01.2020).

ственное воздействие. В результате создаются устные или письменные сообщения для убеждения адресата в чем-либо, призыва к совершению или несвершению определенных действий. В персуазивной коммуникации создаются сообщения/тексты, нацеленные на то, чтобы вызвать определенное поведение адресата и повлиять на его оценки, установки. Изменение посткоммуникативного поведения адресата происходит в ситуации свободного принятия решения о желательности/необходимости совершения им действий, предполагаемых адресантом (подробнее см.: [Чернявская 2013]).

Персуазивные тексты в целом и рекламный текст в том числе имеют свои инвариантные характеристики, среди которых ненейтральность высказывания, экспрессивность, выразительность, ассоциативно-образный характер представляемых предметов, событий. Информация, как правило, имеет эмотивное и экспрессивное усиление. Броскость достигается риторическими средствами, среди них метафоры, перифразы, сравнения, игра слов выходят на первый план. Выразительность и собственно персуазивный эффект складываются во взаимодействии используемых языковых или неязыковых ресурсов между собой, а также с экстралингвистической информацией — о коммуникативной ситуации, социальной практике, в которую включена ситуация, о социокультурных правилах, конвенциях и др.

Очевидно, что рекламные высказывания нужно и можно было соотносить с типовыми целями рекламного объявления: привлечение внимания к рекламируемому продукту, формирование его положительного образа, оценочное информирование. В этом случае языковая единица *white/белый* встраивается во фрейм «чистота» и становится в ряд языковых единиц с семантикой «чистое, без следов загрязнения, аккуратное». Но такое предсказуемое понимание оказалось погашенным другим фреймом, а именно «расизм». Выдвижение подтекста — потенциально возможных расистских пресуппозиций и импликатур сообщения — продемонстрировало, насколько тема расовых различий, точнее, расового превосходства чувствительна для современного мультикультурного общества. Эта тема вызывает повышенное внимание и сильный эмоциональный резонанс. Чуткая критическая реакция показывает глубину и укорененность в обществе знаний о существовании негативных предубеждений против людей по цвету кожи, о социальной дискриминации темнокожих. В контексте такого коллективного знания языковая единица *white/белый* становится в ряд «белокожий, принадлежащий белой расе» как антоним к «черный, чернокожий». Высказывание было прочитано как расистское потому, что существует дискурс расизма — плотное идеологическое пространство, включающее в себя как уже существующие высказывания, события, установки, так и потенциально возможные высказывания, то, что еще может быть сказано внутри дискурса расизма. Этот дискурс, отличаясь сильным воздействием на социальных акторов, управляет интерпретацией отдельных высказываний и может перебороть другие значения, а именно «белый — значит чистый». Идеология не дает возможности для мирного сосуществования смыслов, выводит смыслы из равновесия и равнозначности, выдвигает и усиливает те значения, которые соответствуют доминирующему прочтению. Понимание в этом случае идет «по течению» доминирующего прочтения.

В современном контексте становится очевидным, что политизация смыслов отражает живые процессы. Актуальным событием стало, например, протестное

общественное движение в США весной-летом 2020 г. из-за убийства полицейским чернокожего американца. Беспорядки начались в Миннеаполисе и в течение нескольких дней распространились по всей территории США как протесты против полицейского насилия и расизма. Протестующие разрушали и сбивали с постаментов памятники историческим деятелям Америки, в том числе была обезглавлена статуя Христофора Колумба, который, по мнению протестующих, открыл путь европейской колонизации Америк. В ряд «политически корректных» действий в общественном протесте в этот период встали такие.

- (1) Американская компания Dreyer's, владеющая торговым названием мороженого эскиммо (*Eskimo pie*), решила сменить его на фоне акций протеста в США против полицейского насилия и расизма, как сообщил журнал *The Wall Street Journal*⁴. В компании решили, что название является оскорбительным для эскимосов — коренных народов Арктики. Отказ от традиционного названия мороженого компания считает одним из верных шагов в поддержку расового равенства. Мороженое эскиммо было придумано в 1920 г., его название запатентовано в 1922 г. и получило популярность во всем мире. В 1935 г. его начали производить в Советском Союзе.
- (2) Профессиональная футбольная команда Канадской футбольной лиги «Эдмонтон Эскимос» (*Edmonton Eskimos*) объявила о решении изменить название команды под давлением общественных требований избавляться от расистских названий и образов, исключив из него слово эскимос⁵. Футбольный клуб был основан в 1949 г., при этом уже в 1895 г. существовала команда с таким названием. В заявлении указано, что эскимос — это унижительный термин колониальной эпохи для обозначения инуитов — коренных народов Северной Америки, проживающих в том числе на территории Канады. Инуит — самоназвание народа, термин «эскимос» традиционно используется этническими европейцами для обозначения коренных народов Арктики⁶.

Существовавшее долгое время как нейтральное слово *эскимос* получает индексальный характер и воспринимается как указывающее на определенный контекст колониальной эпохи. Слово *инуит* занимает место социально допустимого.

Политический фактор может погашать все иные возможные контекстуализации и интерпретации, кроме тех, которые выдвинуты политической точкой зрения. Это отчетливо демонстрирует следующий пример в ряду приведенных выше.

- (3) Главный редактор газеты *Philadelphia Inquirer*, проработавший в издании 20 лет, был вынужден подать в отставку после того, как газета опубликовала статью с заголовком «Здания тоже имеют значение» («Buildings Matter, Too»). В статье обсуждались разрушительные последствия беспорядков для исторических зданий, которые очень уязвимы и нуждаются в бережном отношении. В ответной реакции со стороны издания указано, что заголовок признается недопустимым и оскорбительным, он очевидно поставлен в связь с движением «Жизни чернокожих имеют значение» и создает неуместное сопоставление зданий и жизни

⁴ Eskimo Pie to Drop Derogatory Name, Dreyer's Says. <https://www.wsj.com/articles/eskimo-pie-to-drop-derogatory-name-dreyers-says-11592603310> (дата обращения: 01.07.2020).

⁵ CFL's Edmonton Eskimos will search for new name. <https://www.cp24.com/sports/sponsors-want-edmonton-eskimos-to-change-name-1.5015229> (дата обращения: 10.07.2020).

⁶ Сайт команды: <https://www.esks.com> (дата обращения: 10.07.2020).

людей. Неприемлемой признана возможная интерпретация заголовка, что потери зданий и лишение жизни людей равнозначны⁷.

Для анализа этого примера важно увидеть, что высказывание «Здания тоже имеют значение» включилось в плотное интертекстуальное и интердискурсивное пространство. Это, во-первых, интертекстуальная аллюзия на появившийся в США в 2013 г. лозунг «Жизни чернокожих имеют значение» («Black Lives Matter»), который стал ответной реакцией со стороны темнокожих американцев на вынесение оправдательного вердикта полицейскому, совершившему убийство афроамериканского подростка. И, во-вторых, это интертекстуальная переключка с другим лозунгом «Все жизни имеют значение» («All Lives Matter»), который появился вслед и вызывает бурные дебаты в американском обществе. Он интерпретируется одними как призыв быть внимательным не только к правам темнокожих американцев, но и к правам каждого гражданина. Другие рассматривают его как средство перевести внимание от проблемы расизма, убрать с него прагматический фокус. Лозунг «All Lives Matter» подвергается жесткой критике со стороны людей, симпатизирующих движению против расизма. Существование позиции «All Lives Matter» рассматривается как отказ признать существование расизма в мире. Эта формулировка уводит внимание от того, что до недавнего времени жизни чернокожего и белого населения не считались равноценными⁸.

Реакция на заголовок «Здания тоже имеют значение» и резонансность этой ситуации показательны не столько как возможность наблюдать столкновение конфликтующих дискурсов, но как выражение их жесткой альтернативы. Из всех возможных факторов, способных влиять на семантизацию и выведение смысла, сработал один, а именно политически нагруженная точка зрения. Потенциальная многозначность сведена к одновариантности прочтения и единственно возможной интерпретации: «заголовок означает, что потери зданий и лишение жизни людей равнозначны». Иные смыслы и темы, например ответственность человека, исключаются из обсуждения⁹. А если нет контраста, то нет и специфики.

Эта и подобные ситуации, вызывающие общественную реакцию, показывают, что социальное непонимание, разрыв значения и его контекста могут значительно эскалироваться и создавать глубокие конфликты в обществе. Идеологическое про-

⁷ The executive editor of the Philadelphia Inquirer has stepped down after publishing 'Buildings Matter, Too' headline. <https://edition.cnn.com/2020/06/07/us/philadelphia-inquirer-executive-editor-steps-down/index.html> (дата обращения: 01.07.2020).

⁸ О современных дискуссиях в американском обществе см., напр.: Why saying "all lives matter" communicate to Black people that their lives don't. <https://www.cbsnews.com/news/all-lives-matter-black-lives-matter/> (дата обращения: 20.07.2020).

⁹ Обсуждаемая фраза из американского издания «Здания тоже имеют значение» резонирует с другим высказыванием и с другой системой ценностей и представлений о должном, а именно об ответственности человека, его правах и обязанностях. «Иногда жизнь картины дороже жизни человека. Примеров бесконечно много. Во время войны: идет бой, стоит церковь XIII в., в ней сидит пулеметчик — можно пойти в атаку с людьми и сохранить церковь, а можно ее артиллерией разнести... [и сбечь людей]. Или милиционер, который защитил рубенсовскую "Даная", рисковал жизнью. На него попала кислота (в 1985 г. вандал плеснул на картину кислотой. — В. Ч.), он потерял здоровье, потерял карьеру», — утверждает М. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа, в ответ на вопрос: «А как права культуры могут вступать в противоречие с правами человека?» — см. интервью газете «Ведомости», 4.10.2019 г. <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2019/10/03/812835-mihail-piotrovskii> (дата обращения: 10.07.2020).

чтение создает такую рамку, которая разрывает принцип действия хронотопа как существенной взаимосвязи между временными и пространственными отношениями, как это объяснял Бахтин. Мы наблюдаем такие политически заостренные ситуации, когда сложившиеся в определенное время оценки, модели восприятия, ценности и антиценности применяются в ином пространстве. Рамка политкорректности срезает то, что могло бы существовать вместе как плюрализм точек зрения.

Заключение

Практика политической корректности создает особый ракурс в исследовании механизмов смыслопорождения. Через призму этой практики можно наблюдать процесс возникновения у слова или высказывания смысловых приращений, которые начинают восприниматься как социальное значение. В коммуникации в социальном контексте может возникать асимметрия значений и смыслов на «входе» и на «выходе», т. е. при создании и восприятии высказывания. Асимметрия означает здесь, что прагматическое значение существенно расходится с семантикой языковой единицы. Исследовательский фокус на том, как высказывание наполняется смыслами в дискурсе, в практике социального взаимодействия, создает действительно значимое и интересное поле для анализа. Внимание привлекается к тому, что на самом деле стоит за словом, когда его использует человек. Принципиально значимым в объяснении является фокус на доминирующем «прочтении», на коллективной практике понимания. Отношения в обществе создают «рамку дискурса», или, по-другому, языковую идеологию.

Анализ позволяет зафиксировать такие ситуации, в которых политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социально уязвимых групп, трансформируется в социальное давление и борьбу со скрытыми смыслами. Опыт изучения политической корректности показывает, что эта практика общественно значима, когда дает возможность наблюдать и выражать реакцию на противовесные явления. Таким образом создается фокус на социальной репрезентации, на ценностях и идентичностях в социуме. Так проявляет себя рефлексивная деятельность человека в дискурсе. Так может быть прослежено формирование его языковой и коммуникативной компетентности. Когда рамка дискурса и идеология действуют как жесткий социальный запрет, политическая корректность взвинчивается и перемещается в сферу борьбы с имплицитными смыслами, с потенциально возможными пресуппозициями и импликациями.

Литература

- Гак 1971 — Гак В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка (из опыта современной французской лексикографии). *Известия АН СССР*. 1971, XXX (6): 524–530.
- Гаспарян, Чернявская 2014 — Гаспарян Г. Р., Чернявская В. Е. Текст как дискурсивное событие. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014, 4 (41): 44–51.
- Золян 2013 — Золян С. Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура. *Критика и семиотика*. 2013, 1 (18): 18–44.
- Казьмина, Никольский 2012 — Казьмина Н., Никольский А. Диалог о цензуре. *Вопросы театра*. 2012, (1–2): 61–80.

- Куссе, Чернявская 2019 — Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 3 (16): 444–462.
- Потебня 1958 — Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 536 с.
- Чернявская 2013 — Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013, 2 (23): 122–127.
- Чернявская 2020 — Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 1 (17): 135–147.
- Харитончик 2014 — Харитончик З. А. Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов. In: *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Mengel S. (Hrsg.). Berlin: LIT-Verlag Dr. W. Hopf, 2014. Серб.: Slavica Varia Halensia. Bd. 12. S. 17–33.
- Blommaert 1999 — *Language Ideological Debates*. Blommaert J. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. 447 p.
- Chernyavskaya 2020 — Chernyavskaya V. Misplaced in contexts, lost in meaning. Context Change as a Cause for Social Misunderstandings: The Case of Kaliningrad and Königsberg. *Zeitschrift für Slawistik*. 2020, 65 (4): 1–16.
- Diederichsen 1996 — Diederichsen D. *Politische Korrekturen*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1996. 192 S.
- Eckert 2018 — Eckert P. Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 290 p.
- Eckert, Labov 2017 — Eckert P., Labov W. Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*. 2017, 21 (4): 467–496.
- Ely et al 2006 — Ely R. J., Meyerson D. E., Davidson M. N. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*. 2006, 84 (9): 78–87.
- Errington 2001 — Errington J. Ideology. In: *Key Terms in Language and Culture*. Duranti A. (ed.). Oxford; Malden, Mass.: Blackwell Publ., 2001. P. 110–112.
- Fairclough 2003 — Fairclough N. “Political correctness”: The politics of culture and language. *Discourse and Society*. 2003, 14 (1): 17–28.
- Gumperz 1996 — Gumperz J. Interactional sociolinguistics: A personal perspective. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds). *The handbook of discourse analysis*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 215–228.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. In: *Regimes of Language*. Kroskrity P. V. (ed.). Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
- Kroskrity 2004 — Kroskrity P. V. Language Ideologies. In: *A Companion to Linguistic Anthropology*. Duranti A. (ed.). Oxford: Blackwell Publ., 2004. P. 496–517.
- Lakoff 2000 — Lakoff R. *The Language War*. Berkeley: University of California Press, 2000. 332 p.
- Leech 1981 — Leech G. *Semantics. The Study of Meaning*. 2nd ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 383 p.
- Marques 2009 — Marques J. How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon. *Business & Society*. 2009, 48 (2): 257–266.
- Mills 2003 — Mills S. Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women’s Negotiations with naming practices. *Discourse and Society*. 2003, 14 (1): 87–100.
- Molodychenko 2019 — Molodychenko E. N. “Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2019, (59): 67–86. <https://doi.org/10.17223/19986645/59/5>.
- Schieffelin et Al. 1998 — Schieffelin B., Woolard K., Kroskrity P. (eds). *Language Ideologies*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. XIII + 338 p.
- Schiffrin 2001 — Schiffrin D. Language, Experience and History: What Happened in World War II. *Journal of Sociolinguistics*. 2001, 5 (3): 323–351.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 2003, 23 (3–4): 193–229.
- Suhr, Johnson 2003 — Suhr S., Johnson S. Re-visiting PC: Introduction to Special Issue on Political Correctness. *Discourse and Society*. 2003, (14): 5–12.

- Wilson 1995 — Wilson J.K. *The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education*. Durham, NC: Duke University Press, 1995. 205 p.
- Wimmer 1998 — Wimmer R. Politische Korrektheit (political correctness) — verschärfter Umgang mit Normen im Alltag. *Der Deutschunterricht*. Jг. 50. 1998, (3): 41–48.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
19, ul. Politechnicheskaja, St. Petersburg, 196135, Russia
tcherniavskaia@rambler.ru

Social meaning in the mirror of political correctness*

For citation: Chernyavskaya V. E. Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (2): 383–399.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208> (In Russian)

The article addresses two central notions, namely social meaning and political correctness. The concept of social meaning is well known in “third wave” sociolinguistics, which connects patterns of language variation with the wider social world, in metapragmatics after Michael Silverstein, language ideology research and discourse analysis. The analysis is in line with these research approaches and also reflects back the pragmatic interpretation of social meanings. It is presumed that the social meaning of a word or an utterance is indexical in its nature and conveys information about the social context of language use. Social meaning of an utterance reflects its social embeddedness. In this respect, the perspective of political correctness reflects the discursive process of social indexicality and social meaning making. The article examines modern cases of political correctness (PC) in the USA (2017–2020) to show the effects of discursive pressure on interpretation frames. PC is discussed as a controversial practice and it is aimed at avoiding expressions or actions that can be perceived to marginalize or insult socially disadvantaged and discriminated people. At the same time, it can overpoliticize issues and act as a struggle against implicit meanings and implicatures.

Keywords: social meaning, contextualization, language ideology, political correctness, over-politicization.

References

- Гак 1971 — Gak V. G. From an explanatory dictionary to an encyclopedia of language (from the experience of modern French lexicography). *Izvestiia Akademii nauk SSSR*. 1971, XXX (6): 524–530. (In Russian)
- Гаспарян, Чернявская 2014 — Gasparyan G. R., Cherniavskaia V. E. Text as co-existence in discourse. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2014, (4): 44–51. (In Russian)
- Золян 2013 — Zolyan S. T. “Endless labyrinth of linkanges”: semantics of text as a multidimensional structure. *Kritika i semiotika*. 2013, 1 (18): 18–44. (In Russian)
- Казьмина, Никольский 2012 — Kazmina N., Nikolsky A. Dialogs about censorship. *Voprosy teatra*. 2012, (1–2): 61–80. (In Russian)
- Кусе, Чернявская 2019 — Kuße H., Chernyavskaya V. E. Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 3 (16): 444–462. (In Russian)
- Потебня 1958 — Potebnia A. A. *From notes on Russian grammar*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. Vol. 1–2. 536 p. (In Russian)
- Чернявская 2013 — Chernyavskaya V. Medial Turn in Linguistic: Text Hybridity. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013, 2 (23): 122–127. (In Russian)

* The study was supported by Russian Science Foundation (grant no. 18-18-00442) “Mechanisms of Meaning and Textualization in Social Narrative and Performative Discourses and Practices”.

- Чернявская 2020 — Chernyavskaya V. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 1 (17): 135–147. (In Russian)
- Харитончик 2014 — Kharitonchik Z. A. Semantics and Pragmatics of lexical units through derivation processes. In: *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Mengel S. (Hrsg.). Berlin: LIT-Verlag Dr. W. Hopf, 2014. Ser.: Slavica Varia Halensia. Bd. 12. S. 17–33. (In Russian)
- Blommaert 1999 — *Language Ideological Debates*. Blommaert J. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. 447 p.
- Chernyavskaya 2020 — Chernyavskaya V. Misplaced in contexts, lost in meaning. Context Change as a Cause for Social Misunderstandings: The Case of Kaliningrad and Königsberg. *Zeitschrift für Slawistik*. 2020, 65 (4): 1–16.
- Diederichsen 1996 — Diederichsen D. *Politische Korrekturen*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1996. 192 S.
- Eckert 2018 — Eckert P. Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 290 p.
- Eckert, Labov 2017 — Eckert P., Labov W. Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*. 2017, 21 (4): 467–496.
- Ely et al 2006 — Ely R. J., Meyerson D. E., Davidson M. N. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*. 2006, 84 (9): 78–87.
- Errington 2001 — Errington J. Ideology. In: *Key Terms in Language and Culture*. Duranti A. (ed.). Oxford; Malden, Mass.: Blackwell Publ., 2001. P. 110–112.
- Fairclough 2003 — Fairclough N. “Political correctness”: The politics of culture and language. *Discourse and Society*. 2003, 14 (1): 17–28.
- Gumperz 1996 — Gumperz J. Interactional sociolinguistics: A personal perspective. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds). *The handbook of discourse analysis*. Oxford: Blackwell Publ, 2001. P. 215–228.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. In: *Regimes of Language*. Kroskrity P. V. (ed.). Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
- Kroskrity 2004 — Kroskrity P. V. Language Ideologies. In: *A Companion to Linguistic Anthropology*. Duranti A. (ed.). Oxford: Blackwell Publ., 2004. P. 496–517.
- Lakoff 2000 — Lakoff R. *The Language War*. Berkeley: University of California Press, 2000. 332 p.
- Leech 1981 — Leech G. *Semantics. The Study of Meaning*. 2nd ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 383 p.
- Marques 2009 — Marques J. How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon. *Business & Society*. 2009, 48 (2): 257–266.
- Mills 2003 — Mills S. Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women’s Negotiations with naming practices. *Discourse and Society*. 2003, 14 (1): 87–100.
- Molodychenko 2019 — Molodychenko E. N. “Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2019, (59): 67–86. <https://doi.org/10.17223/19986645/59/5>.
- Schieffelin et al. 1998 — Schieffelin B., Woolard K., Kroskrity P. (eds) *Language Ideologies*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. XIII + 338 p.
- Schiffirin 2001 — Schiffirin D. Language, Experience and History: What Happened in World War II. *Journal of Sociolinguistics*. 2001, 5 (3): 323–351.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 2003, 23 (3–4): 193–229.
- Suhr, Johnson 2003 — Suhr S., Johnson S. Re-visiting PC: Introduction to Special Issue on Political Correctness. *Discourse and Society*. 2003, (14): 5–12.
- Wilson 1995 — Wilson J. K. *The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education*. Durham, NC: Duke University Press, 1995. 205 p.
- Wimmer 1998 — Wimmer R. Politische Korrektheit (political correctness) — verschärfter Umgang mit Normen im Alltag. *Der Deutschunterricht*. Jr. 50. 1998, (3): 41–48.

Received: May 15, 2020
Accepted: December 3, 2020